

Зачарованные особым благовоением, все больше и больше светлячков заполняли комнату. Они напоминали изумруды, сверкающие в темноте ночи. Янь Чиу называл Дун Хуа Ледышкой (он называл так всех, кого недолюбливал, а Дун Хуа был первым в этом списке). Хотя в этом прозвище была доля правды, оно не подразумевало его суровый характер; скорее оно подразумевало его бесстрастное выражение, даже когда он насмехался над другими, и его вечно неулыбчивое лицо. Сегодня он улыбался часто. Было ли это только в его глазах или в его голосе, этого было достаточно, чтобы ослепить ее. И все же она отчетливо слышала то, что он только что сказал. Она слабо возразила: «С чего бы мне волноваться?» И, тем не менее, тайно вздохнула с облегчением. Она усмехнулась, а затем после минутного молчания сменила тему: «Я не вижу никакой новой раны на твоей руке, почему ты все еще носишь с собой пасту с гибискусом?»

Этот вопрос почему-то заставил Дун Хуа задуматься. Наконец, он сказал: «Откуда ты знаешь, что я часто получаю травмы?»

Фэн Цзю вспотела. Никто не должен был знать о его ранах, кроме ближайших слуг и маленькой лисички. Даже тетушка Бай Цянь, у которой были родственные связи на Девяти Небесах, не должна была знать этого факта, не говоря уже о ней. К счастью, в последний момент она нашла способ выкрутиться.

- Разве гибискус не используется для лечения ран на руках?

Она притворилась, что заглядывает в фарфоровую чашу в его руке.

- Ты сам сделал эту пасту? Она очень хорошо смешана...

Дун Хуа смешал остатки пасты в чаше и опустил на нее взгляд, ответив: «У меня была лисичка, это она сделала эту пасту».

Фэн Цзю великодушно похвалила сама себя: «Какая умница эта лиса. Паста такая гладкая и ароматная... но почему ты размазываешь ее по моему лицу?»

Дун Хуа наклонился, размазал остатки пасты по ее лицу и небрежно ответил: «Тут немного осталось, а я слышал, что это также хорошее средство для ухода за кожей, поэтому мы не должны тратить его впустую».

Фэн Цзю вырвалась и подцепила пальцем немного пасты из фарфоровой чаши. Ухмыльнувшись, она молниеносно ринулась к нему.

- Хорошими вещами надо делиться, так что получай тоже...

Она толкнула Дун Хуа вниз и другой рукой намазала пасту ему на лоб. Его глаза мерцали. Несколько светлячков приземлились на его плечо, некоторые на разделительный экран; увядающий на холсте лотос ожил под их сиянием. Фэн Цзю опустилась на колени перед Дун Хуа; одной рукой она держала его руку под одеялом, а другой сняла шелковую повязку с его лба. Это был первый раз, когда она увидела глаза Дун Хуа на таком близком расстоянии. Этот человек был самым почитаемым богом во Вселенной, человеком, которым она восхищалась больше всего. Она вдруг поняла, в каком неловком положении они оказались, и застыла на месте. Дицзюнь не сопротивлялся ее домогательствам. Он сказал без тени беспокойства в голосе: «Разве ты не говорила, что хорошими вещами надо делиться? Почему остановилась?» Он взял удаляющуюся руку Фэн Цзю и положил ее на свое лицо, спокойно глядя ей в глаза во время всего этого процесса.

Фэн Цзю почувствовала, как горит ее лицо. Она слезла с него и забилась в угол. Спрятавшись под покрывалом и улегшись на фарфоровую подушку [1], она притворно зевнула: «Будешь уходить, закрой за собой дверь». По какой-то причине ее голос дрожал.

Дицзюнь, казалось, был разочарован.

- Ты собираешься спать, не вымыв руки?

- ... Нет нужды, я выстираю одеяло завтра.

Дун Хуа сел, но не спешил покинуть комнату. Внутрь ворвался ветер и задул свечи. Казалось, в воздухе витало какое-то волшебство. Нервничая, Фэн Цзю почувствовала, как дыхание Дун Хуа стало ближе. Его волосы теперь касались ее щек, но другого движения не было. Казалось, он просто проверял, действительно ли она спит или только притворяется.

В темноте раздались удаляющиеся шаги. Только услышав, как открылась и закрылась дверь, Фэн Цзю смогла вздохнуть с облегчением. Она повернулась и открыла глаза, чтобы осмотреть комнату. На мебели все еще светились светлячки. Теперь они были тусклыми и не такими оживленными, как раньше, возможно, им тоже хотелось спать.

Было что-то странное в поведении Дун Хуа сегодня вечером. Ее сердце бешено колотилось, когда она думала о том, что только что произошло. Она протянула руку к груди, чтобы успокоить бьющееся сердце, и вспомнила, что пальцы все еще покрыты цветочной пастой. Когда она взглянула на свои руки в пульсирующем свете светлячков, то увидела, что они были чистыми, без следов пятен. Дун Хуа, должно быть, вытер их перед уходом. Чувствуя себя счастливой, ее губы слегка изогнулись вверх; она не отдавала себе отчета в том, что улыбается. Затем она закрыла глаза, прошептала Мантру Спокойного Сердца и мирно уснула.

В конце часа тигра [2] Фэн Цзю почувствовала, как кто-то сильно тянет ее за рукав.

- Владыка, не беспокойте меня, ночь на дворе. Позвольте мне...

Слово «поспать» не слетело с ее губ, когда она увидела потрясенные глаза Сяо Яня, склонившегося над ее кроватью.

Высоко в небе сияла Венера.

- Ты и Ледышка... уже на этой стадии отношений?..

Он захлопал в ладоши: «Я не ошибся в нем». Потом Сяо Янь радостно продолжил: «Цзи Хэн должна отказаться от него. Я знал, что он не такой верный, как я. Он не смог справиться с твоим планом соблазнения». Возбужденно почесывая голову, он спросил: «Как мне утешить Цзи Хэн, чтобы она без колебаний бросилась в мои объятия?»

Комнату освещала одна-единственная ночная жемчужина. Фэн Цзю увидела, как Сяо Янь прислонился к кровати, глядя на Луну. Он был то счастлив, то задумчив, то встревожен. Сбитая с толку, она не понимала, что происходит. Она потерла глаза, ущипнула Сяо Яня и спросила: «Больно?»

Отскочив назад, он закричал: «Не щипай меня, это тебе не снится! Я разрушил силовое поле Ледышки, чтобы ты могла утешить нашего друга».

Наконец вспомнив, зачем он пришел сюда, Сяо Янь сказал ей торжественным тоном: «Ты

знаешь, что случилось с Мэн Шао?»

Фэн Цзю была заключена в Доме Шторма на три дня. Сюда даже комар не мог проскочить; естественно, она ничего не знала. Но серьезное выражение лица Сяо Яня заставило ее забыть о сонливости. Встревоженная, она спросила: «Мэн Шао?»

Выражение лица Сяо Яня стало еще более мрачным.

- Его возлюбленный генерал Чаншэн недавно скончался. Он пьет в Цзуйлисяне от заката до рассвета, оплакивая его смерть. Его кузина Цзелу боится, что он упьется до смерти, и пришла просить моей помощи. Но ты же знаешь, я не очень-то хорош в этом. У женщин это получается лучше...

Фэн Цзю надела плащ и задумалась: «Я никогда не знала, что Мэн Шао держит мужчин в своем поместье. Плохие же мы друзья, раз не замечали этого его предпочтения. Боже, какое это должно быть потрясение для него - потерять любимого человека. Бедный Мэн Шао». Когда она закончила говорить, то внезапно вспомнила события прошлой ночи и попыталась понять, были ли они реальными или нет. Она подошла к тумбочке у стены, открыла курительницу с единорогом и вдохнула аромат. Никакого усыпляющего аромата ладана. Она взяла ночную жемчужину Сяо Яня и внимательно осмотрела горелку в поисках нового пепла. Но его не было. Взглянув в бронзовое зеркало, оказалось, что и синяки на ее лбу исчезли. Но не было и следов пасты с гибискусом. Выходит, всё это ей приснилось? И все же, почему ей снятся такие вещи?

«Что случилось?» - спросил Сяо Янь, принимая ночную жемчужину из ее рук.

Фэн Цзю помолчала секунду, прежде чем ответить.

- Мне приснился сон, - последовала небольшая пауза. - Ничего такого, забудь.

Она направилась к двери, затем вернулась к сундуку у окна и достала бутылку из селадонита [3].

- Я как-то брала у Мэн Шао немного мёда, чтобы сделать медовый торт. Не думала, что мне придется использовать его, чтобы избавить кого-то от похмелья. Очень жаль.

Сяо Янь нахмурился.

- Бутылка с медом справа. На той, что у тебя в руке, написано «соевый соус».

Он некоторое время изучал ее и вздохнул: «Ты сегодня ведешь себя странно. Почему бы тебе не вернуться ко сну? Если я не смогу убедить Мэн Шао, я вырублю его палкой».

Фэн Цзю потеряла висок.

- Я просто немного рассеяна из-за недосыпа. Раз я уже встала, пойдем.

Она немного поохала, а потом сказала: «Но мы все равно должны взять эту палку с собой».

По дороге, освещаемой светом звезд, они направились прямо к Цзуйлисяню. Слезы Мэн Шао, сопли и алкоголь смешались вместе, пока он смотрел на тело генерала Чаншэна, лежащее в керамической коробке. Его окружила группа коленопреклоненных служанок. Сквозь слезы они пытались убедить его, что мёртвых должно отпускать с миром, а если его Высочество принц будет печалиться, душа генерала не сможет обрести покой.

Фэн Цзю потеряла дар речи, впрочем как и Сяо Янь. Оказалось, что генерал Чаншэн, который заставил принца Мэн Шао страдать от безутешного горя, был красным сверчком.

Усталую на вид принцессу Цзелу под руки подвели две служанки. Сяо Янь почесал голову и озадаченно молвил: «Брат Мэн такой чувствительный, что страдает из-за сверчка. Я не знаю, что сказать, чтобы успокоить его».

Фэн Цзю взглянула на керамическую коробку, в которой лежало тело генерала Чаншэна, и почему-то почувствовала странную близость. По бокам коробки были выгравированы лепестки цветов. Подобное украшение больше соответствовало вкусу молодых леди, а не парней вроде Мэн Шао. Она взглянула еще раз – холодный труп генерала Чаншэна лежал неподвижно. Глядя на его тело, можно было сказать, что он был доблестным сверчком, когда был еще жив. Она нахмурилась и сказала принцессе Цзелу: «Возможно, прожив так долго в долине, этот сверчок впитал достаточно божественной сущности, чтобы превратиться в красивого мальчика, и именно поэтому Мэн Шао так любил его?»

Цзелу вскрикнула, закрыла уши руками и бросила на нее свирепый взгляд.

- Как ты смеешь так порочить репутацию моего кузена?

- Я тоже не прочь предположить, что этот сверчок превратился в деву, - беспомощно ответила Фэн Цзю. - Но это же самец сверчка... Брат, посмотри, разве это не самец сверчка?

Сяо Янь подошел ближе, чтобы взглянуть и ответил ей: «Из моего многолетнего опыта наблюдения за боями сверчков, это действительно сверчок мужского пола!»

Лицо Цзелу побагровело от негодования. Она молча указала на парочку перед ней. Горничная специально принесла чашку чая, чтобы немного охладить ее пыл. После того, как ее гнев немного поутих, она искоса посмотрела на них обоих, покорно вздохнула и сказала: «Ладно, хотя я и не доверяю вам обоим, вы самые близкие друзья моего кузена. Возможно, он прислушается к вам. Этот сверчок - всего лишь сверчок. Он не может превратиться ни в красивого юношу, ни в красивую девушку под покровом ночи». Она снова сердито посмотрела на них: «...Но человек, который подарил ему этот сверчка, был кем-то особенным. Она та, кого он хранит в своем сердце».

Фэн Цзю и Сяо Янь немедленно навестили свои уши, чтобы послушать эту историю.

Ограниченные правилами своего клана, люди Бийняо никогда не вступали в браки с другими кланами. Правила клана чтились так, будто это был вопрос жизни и смерти. Мистические существа редко поглощали достаточно божественной энергии и становились бессмертными, как драконы, фениксы или девятихвостые белые лисы. Другие кланы жили ограниченной жизнью - тысячу лет, возможно, десять тысяч. Среди них продолжительность жизни представителей клана Бийняо была самой короткой; они жили не дольше тысячелетия. По сравнению с небожителями за пределами долины их жизнь была такой же мимолетной, как восход и закат солнца. Женитьба на чужестранцах могла легко привести к трагедиям, и по этой причине их клан запрещал смешанные браки. В шестьдесят лет человек из Бийняо считался взрослым и мог жениться. Два младших брата Мэн Шао и три его младшие сестры уже обзавелись семьями. Особенно по сравнению с третьим принцем Сянли, у которого уже было семь маленьких Бийняо, второй принц, который был старше третьего принца почти на двадцать лет, все еще оставался холостяком. Фэн Цзю и Сяо Янь часто обсуждали этот вопрос во время трапезы, но так и не нашли ответа.

Поэтому сейчас они с огромным интересом слушали объяснения принцессы Цзелу.

Принцесса Цзелу сделала еще глоток чая, откашлялась и пересказала безнадежную историю любви, которая началась семьдесят лет назад. Однажды прекрасный юноша встретил девушку. Он тосковал по своей любви, потерял аппетит и заболел. И по сей день он был полон решимости остаться холостяком, если не получит ее.

Говорили, что девушка отдала молодому человеку генерала Чаншэна и керамическую шкатулку. Вернувшись домой, он часами мог смотреть на шкатулку, тоскуя по ней. Конечно, этот молодой человек и был очаровательным молодым господином Мэном из долины Фаньинь.

Сяо Янь спросил: «Молодая леди, на которой брат Мэн не мог жениться, должно быть, из другого клана? Если она жива, у них еще есть шанс. Он нарушил бы правила долины, но это не так уж и важно. Я тоже часто нарушаю правила нашего клана. Старейшины ничего не могут с этим поделать. Смотреть на сверчка изо дня в день и умирать от любви - это как-то не по-мужски».

Что могут сделать демонические старейшины с повелителем их Синей фракции, подумала Фэн Цзю. Правила их клана устанавливались только для развлечения. Но она согласилась со всем остальным, что сказал Сяо Янь. Она энергично кивнула и с полной искренностью сказала Цзелу: «Из чьей семьи эта молодая леди? Как ее зовут? Мы можем помочь в ее поисках, если это поможет исполнить желание второго принца. Как друзья, мы не можем остаться в стороне».

Цзелу сделала еще глоток чая, по-видимому тронутая их добротой.

- Королева Цинцю из клана девятихвостых белых лис, правительница Восточных земель, Ее Королевское Высочество Фэн Цзю. Я не уверена, слышали ли вы о ней? Она единственная, кого он любит.

У Фэн Цзю подкосились ноги, и она поспешила сесть. У Сяо Яня отвисла челюсть.

- Что?

Когда Фэн Цзю схватила руку Сяо Яня и привстала, глядя на профиль Мэн Шао, сидевшего в двух столах от них, семя памяти упало на землю, проросло и расцвело. Она наконец вспомнила, почему керамическая шкатулка показалась ей такой знакомой.

Такая история действительно имела место быть, и она произошла семьдесят лет назад.

Семьдесят лет назад старый друг Чжэ Яня пришел навестить его знаменитый персиковый сад и случайно встретил Фэн Цзю, которая пришла собирать персики. Это была любовь с первого взгляда. Старый друг Чжэ Яня был правителем небесных Гор. Он царствовал над бесчисленными реками и горами в царстве смертных. Его дом находился на божественной вершине горы Чжияоэ в Северных землях. Его звали Цан И Шэньцзюнь. Происхождение Цан И Шэньцзюня не было связано с древними семьями с незапамятных времен. Он стал правителем гор из-за недавних достижений. По этой причине Чжэ Янь относился к нему с большим уважением. По его мнению, он был лучшим младшим божеством в современной истории.

Цан И Шэньцзюнь был решительным человеком. Без всяких колебаний он попросил Чжэ Яня посетить Цинцю в качестве его посредника для устройства брака. Чжэ Янь согласился.

Удивительно, но его достижения и благородный характер сразу же были одобрены ее отцом Бай И. После того, как Фэн Цзю унаследовала трон Восточных земель, первое, что Бай И решил сделать - это найти ей достойного мужа, чтобы укрепить ее положение. После осмотра

бесчисленных кандидатов, его острый взгляд, наконец, остановился на Цан И. Однако Фэн Цзю никогда не соглашалась на этот брак. Несмотря на протесты, она, естественно, не смогла одолеть своего отца в споре. Когда свадебная процессия горы Чжюэ прибыла в Цинцю, отец связал ее и бросил в паланкин с восемью носильщиками, который должен был следовать по извилистой дороге обратно к дому жениха.

Цан И Шэньцзюнь в то время находился далеко по делам в царстве смертных. Встречать невесту должен был генерал, следующий по старшинству. Фэн Цзю выглянула из своего паланкина и увидела, что этот генерал был по меньшей мере десяти метров ростом. Понимая, что не сможет победить его, она послушно сидела неподвижно всю дорогу, планируя действовать, как только паланкин достигнет дворца. Фэн Цзю хотела устроить хаос, отказавшись покинуть свой паланкин и выйти замуж за Цан И, чтобы весь мир узнал об этом. Посмотрим, сможет ли отец заставить ее тогда. Носильщики действовали быстро; прошло всего полдня, а они уже прибыли к подножию горы Чжюэ.

Свадебная процессия змей петляла к горному входу, когда снаружи паланкина послышался испуганный крик. Фэн Цзю приподняла занавеску и выглянула наружу. Десятиметровый генерал хлестал девятисекционным кнутом [4] хилого юнца, который, похоже, был сопровождающим в процессии. Фэн Цзю швырнула золотую шпильку, чтобы остановить хлыст, и послала служанку узнать, что происходит. Правда была довольно проста: юноша не принадлежал к местной челяди, он каким-то образом присоединился к процессии по пути, желая зачем-то подняться на гору Чжюэ. Но в пределах горы существовало правило: если человек не живет и не работает здесь, он не может войти на ее территорию. Радужный колокольчик зазвонил в тот момент, когда он переступил порог, и его тут же выволокли и избили.

На его ногах было множество ран, штаны пропитались кровью. Он слабо объяснил: «Я... Я разлучился с братом и, пока искал его, увидел свадебную процессию. Я никогда раньше не видел иноземных свадеб, поэтому задержался, чтобы посмотреть. У меня не было других намерений».

Фэн Цзю посмотрела на молодого человека, который страдая от боли, дрожал в отдалении. В данный момент ей было все равно, говорит он правду или нет. Если он действительно был просто ребенком, ищущим веселья, то здешнее начальство было слишком узколобым. Если он лжет, это может пойти ей на пользу, когда завтра она устроит хаос на горе Чжюэ... Фэн Цзю подняла занавеску и быстро шагнула к месту происшествия. Она помогла юноше подняться и изобразила удивление, запричитав: «Боже, разве это не Сяо Мин? Издалека я не могла понять, ты ли это. Но твой брат должен быть у Чжэ Яня или дома в Цинцю. Как вы с ним разминувшись? Ну, раз ты здесь, пойдём со мной. Через два дня я попрошу кого-нибудь отвезти тебя обратно в Цинцю, чтобы ты смог увидеть своего брата». Помогая ему подняться, она закричала в притворном отчаянии: «О нет, ты же так сильно ранен! Так дело не пойдёт! Ты, ты, и ты. Ты тоже. Быстрее, помогите молодому мастеру Мину забраться в мой паланкин». Растерянного мальчика увела группа встревоженных слуг. К тому времени, как его усадили в паланкин, он все еще не имел ни малейшего представления о том, что произошло.

Насколько Фэн Цзю помнила, этот юноша был чрезвычайно робок. Он только тихо сидел в паланкине. Несмотря на то, что его раны на ногах болели, он терпел это, пока они не прибыли во дворец горы Чжюэ. Глядя на его стойкое желание превозмочь боль, Фэн Цзю достала из рукава бамбуковый цилиндр с рыжим сверчком, подаренным ей младшим дядей. Мальчикам обычно нравятся сверчки, возможно, это немного отвлечет его внимание от боли. Она наколдowała керамическую коробку и перенесла в нее сверчка, затем наколдowała зеленоголового сверчка, чтобы они могли побороться. Парень широко раскрыл глаза,

прикованный к ней взглядом. Видя, что он интересуется этими вещами, она подарила ему их все. Она спасла его не без скрытых мотивов; чувствуя себя виноватой, она сделала ему небольшой подарок взамен. Парень покраснел и тихонько поблагодарил ее: «Госпожа, вы очень добры, что помогли мне. Когда-нибудь я обязательно отплачу вам за вашу доброту».

Когда они добрались до вершины, Фэн Цзю отвели в отдельную комнату для отдыха. Мальчика отвели в другую комнату, чтобы он обработал свои раны. За чаем Фэн Цзю вспомнила о его обещании отплатить ей. Зачем именно он пришел на эту гору? Как ни посмотри, а она спасла его. Для него было вполне естественно отплатить ей тем же. Но была одна проблемка. Сидя в паланкине, она была покрыта свадебной вуалью с ног до головы. Не зная, как она выглядит, не вернет же он услугу другому человеку?

Пока Фэн Цзю мысленно пребывала в смятении, в ее покои вошёл слуга и объявил, что Цан И Шэньцзюнь вернулся. Фэн Цзю еще больше запуталась. С одной стороны, она должна была иметь дело с Цан И, с другой стороны, она должна была придумать способ перевернуть дворец вверх дном до свадебного обряда. И то и другое одинаково занимало ее ум. Необходимость решить эти два насущных вопроса заставила ее забыть о молодом человеке, которого она спасла.

С того дня Фэн Цзю больше никогда его не видела. Как ряска в пруду с лотосами, его лицо было заброшено в какой-то дальний уголок ее памяти. Если бы ветер не поднял рябь на поверхности воды, это воспоминание было бы запечатано навечно. Тот молодой человек был всего лишь прохожим среди множества других, кого она встретила за тридцать тысяч лет своей жизни. Прошло так много времени, и несмотря на то, что она вспомнила его сейчас, она не могла связать робкого юношу тогда с очаровательным молодым господином сегодня. Семьдесят лет. Что именно произошло за это время, что превратило Мэн Шао из робкого мальчика в харизматичного чародея? Размышляя над этим, Фэн Цзю снова посмотрела на Мэн Шао с сомнением в глазах. Но место, где он сидел секунду назад, теперь пустовало. На столе раздался лязг, и в кувшине с вином вспыхнул серебряный огонек. Мэн Шао исчез.

Второй принц Мэн Шао с покрасневшими от алкоголя глазами схватил Сяо Яня за плечо. Бийняо славилась своим острым слухом. Слова Цзелу, обращенные к Сяо Яню и Фэн Цзю, казалось, были услышаны Мэн Шао, и его переполняла благодарность.

- Неужели? Неужели все думают, что я должен игнорировать правила нашего клана и смело идти за своей любовью?

Всё еще колеблясь, он вздохнул и сказал: «По правде говоря, шесть месяцев назад я не хотел больше хоронить эту любовь и хотел вырваться из этой клетки, следуя велению сердца. Но в тот момент, когда я покинул город, вы вдвоем свалились на мою голову и я потерял сознание. Придя в себя, я решил: «Это судьба». Судьба объявила, что нам с Ее Высочеством Фэн Цзю не суждено быть вместе, и, в конце концов я сдался». Его глаза мерцали, когда он смотрел на Сяо Яня и Фэн Цзю в комнате, залитой светом.

- Но теперь, когда вы, ребята, подбадриваете меня, и один из вас использует себя в качестве примера, нарушая правила клана, а другой искренне хочет мне помочь отыскать Ее Высочество Фэн Цзю...

Фэн Цзю поморщилась и посмотрела на Сяо Яня, в душе желая хорошенько отметелить их обоих. Она пошла на попятную: «Знаешь, нам нужно подумать об этом более тщательно. Эта идея только что была, возможно, не совсем... хорошей». Она повернулась к Сяо Яню и подмигнула ему.

- Брат, ты, кажется, сожалеешь о своих словах. На твой взгляд, наша идея была довольно опрометчивой и ужасной, не так ли?

Сяо Янь уловил смысл слов Фэн Цзю и тут же выразил сожаление: «Верно, верно. Ужасная, абсолютно ужасная мысль». Его голос так и выражал раскаяние, когда он продолжил: «Хотя старейшины никогда не наказывали меня, все эти годы я чувствовал себя чрезвычайно виноватым за нарушение правил нашего клана. Мое сердце болит каждый раз, когда я думаю об этом». Принцесса Цзелу уставилась на них с отвисшей челюстью. Мэн Шао смотрел на него с недоумением.

Фэн Цзю со всей искренностью добавила: «Ее Высочество Фэн Цзю... хм... Ее Высочество подарила тебе сверчка и керамическую шкатулку. Почему ты страдаешь лишь по сверчку? Разве коробка не та же самая? Сверчок мертв, но коробка все еще здесь. Разве это не признак того, что еще не пришло время бросить все, чтобы отыскать ее?» Она терпеливо продолжила уговоры: «Если бы небеса захотели, чтобы ты бросил все и отправился на ее поиски, то, призвав генерала Чаншэна, они разбили бы и шкатулку. Но этого не случилось, потому что время еще не пришло. Как ты думаешь, я права?»

Недоумение в глазах Мэн Шао усилилось. Немного погодя он сказал: «Твои слова кажутся разумными. Но я немного смущен твоим выводом».

Фэн Цзю терпеливо объяснила ему: «Это потому, что ты пьян. Ты не можешь рассуждать здраво, когда твой разум затуманен». Она продолжала объяснять: «Тебе стоит хорошенько отдохнуть. Как только твоя голова прояснится, ты поймешь, что мои слова имеют смысл».

Молодой мастер Мэн немного подумал и решил, что согласен. После целого дня пьянства он, наконец, отпустил официантов ресторана. Принцесса Цзелу и слуги перенесли его в гостевую комнату в Цзуйлисяне. Наконец-то все могли вздохнуть с облегчением.

После того, как все ушли, и они с двумя зевающими официантами были единственными оставшимися в главном зале, Сяо Янь, ставший свидетелем интригующей игры, уже собирался заговорить, когда Фэн Цзю опередила его: «Я понятия не имею, почему Мэн Шао любит меня. Даже если ты спросишь, я не знаю, что тебе сказать».

Разочарование появилось на лице Сяо Яня. Фэн Цзю тщательно осмотрела комнату, прежде чем сказать ему: «Такое ощущение, что с того момента, как мы пришли сюда, кто-то наблюдал за мной».

- Кажется, я знаю, в чём дело. - Сяо Янь изобразил беспокойство. - Эти два глаза сейчас висят у тебя на плече и улыбаются...

В этот момент по залу пронесся сквозняк, от которого волосы на руках Фэн Цзю встали дыбом. Она вздрогнула и прыгнула в объятия Сяо Яня. Сяо Янь похлопал ее по спине, громко хихикая.

- В прошлый раз я обнимал тебя, на этот раз ты обнимаешь меня. Теперь мы квиты.

«...»

На балконе второго этажа Цзуйлисяня стояло блестящее зеленое растение цереус. Купаясь в лучах рассвета, его листья вдруг зашевелились под безветренным небом. Пурпурный силуэт тихо прошел мимо без ведома двух людей внутри.

---

[1] Немного из истории подушек: мало кто знает, что первые подобные изделия изготавливались человеком из дерева, и даже из камня!

Изначально, подушку применяли для других целей. Найденные в древних египетских пирамидах артефакты свидетельствуют о том, что зажиточные египтяне использовали специальные подставки, чтобы не испортить сложную прическу. Они представляли собой изогнутую дощечку. Именно эти устройства стали прародителями современной подушки.

В Китайских провинциях были распространены подушки из камня, металла, встречались и фарфоровые экземпляры. В Японии твердые подставки применялись вплоть до XIX века. А мягкие подушки, наиболее напоминающие современные, впервые появились в Греции. Здесь особое внимание уделялось комфортному отдыху, а постель была для греков культовым местом, поэтому и подушки предназначались для удобства.

[2] час тигра - 5 утра

[3] селадонит является распространенным минералом, относящимся к классу водных силикатов. Название связано с французским словом «celadon», означающим цвет морской волны, из-за окраски минерала.

[4] многосекционный кнут – вид гибкого оружия, популярный в ушу и сегодня. Он состоит из рукояти (длиной где-то в ширину ладони), нескольких стальных палочек соединенных друг с другом наподобие цепи, и конечной части (делалась либо в форме копейного острия, либо затачивалась на манер ножа). Самым стандартным является девятисекционный хлыст-цзюцзебянь, но используются также семисекционный и тринадцатисекционный. Атака осуществлялась хлещущими ударами, защита - отбивами в сторону с помощью хлеста по атакующему предмету, либо защитным вращением

<http://tl.rulate.ru/book/32932/737339>